

Ишутина Ю. А.

Y. A. Ishutina

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТА «НОВЫЙ КИТАЙ» В ПАРАДИГМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ «КИТАЙСКАЯ МЕЧТА»

ON THE ISSUE OF THE «NEW CHINA» CONCEPT FORMATION IN THE PARADIGM OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA NATIONAL IDEA THE «CHINESE DREAM»

Ишутина Юлия Александровна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры китаеведения Восточного Института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток); 690992, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10. E-mail: ishutina.yua@dvvu.ru.

Yuliya A. Ishutina – PhD in Culturology, Associate Professor of the Chinese Department, The Oriental Institute – School of Regional and International Researches, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia); Russian Island, Ajax village, 10. E-mail: ishutina.yua@dvvu.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу базового концепта «Новый Китай» в парадигме национальной идеи КНР «Китайская мечта». В этой формулировке под «Новым Китаем» понимается идеал Китая будущего как сильной независимой державы, в которой ведущая идеология марксизма объединена с китайскими реалиями. Гипотеза исследования заключается в том, что социальный концепт «Новый Китай», являющийся базовым в парадигме «Китайская мечта», эволюционирует благодаря деятельности китайских интеллектуалов (политиков, общественных деятелей, писателей), которые способствуют изменению содержания концепта посредством пополнения его ценностного и образного компонента. Ядерные слоты концепта «Новый Китай», такие как «Сильный Китай» и «Китайская мечта», дополняют парадигму одноимённых национальных идей и способствуют их эволюции. Периферийные слоты «Китайские реалии», «Катастрофа», «Скрытая реальность китайской повседневности», «Китай и глобализация», «Китай и космизация» благодаря метафоричности и специфике системы образов создают возможность для творческих экспериментов китайских фантастов и погружения в моделируемую реальность самого широкого круга читателей китайской литературы.

Summary. The article is devoted to the analysis of the basic concept of «New China» in the paradigm of the People's Republic of China national idea «Chinese Dream». In this formulation, the «New China» refers to the ideal of China of the future as a strong independent power in which the leading ideology of Marxism is combined with Chinese realities. The hypothesis of the study is that the social concept of «New China», which is the basic one in the «Chinese Dream» paradigm, is evolving due to the activities of Chinese intellectuals (politicians, public figures, writers), who contribute to changing the content of the concept by replenishing its value and figurative component. Nuclear slots of the «New China» concept, such as «Strong China» and «Chinese Dream» complement the paradigm of the national ideas of the same name and contribute to their evolution. The peripheral slots «Chinese Realities», «Catastrophe», «The Hidden Reality of Chinese everyday life», «China and Globalization», «China and Cosmization», thanks to the metaphoricity and specificity of the image system, create an opportunity for creative experiments by Chinese science fiction writers and immersion in the simulated reality of the widest range of readers of Chinese literature.

Ключевые слова: «Китайская мечта», национальная идея, концепт, научная фантастика, «Новый Китай», традиция и современность.

Key words: «Chinese Dream», national idea, concept, science fiction, «New China», tradition and modernity.

УДК 316.73:008

Интеллектуалы китайского национального сообщества (политики, общественные деятели, писатели КНР) разрабатывают концепцию «Китайской мечты» с точки зрения научного и аксиологического подходов. Их теоретические разработки способствуют эволюции идеи, которая про-

ходит апробацию на базовом уровне национальной идентичности – уровне повседневности. Целеполагание «Китайской мечты», заключающейся в «великом возрождении китайской нации», достижении общественного блага, построении сильной державы, исполнении чаяний граждан на достойную жизнь, опирается как на дискурс официального национализма, так и на ценности и смыслы китайской культуры. С аксиологической точки зрения значимыми концептами в парадигме «Китайской мечты» являются «Новый демократизм» (Xīn mínzú zhǔyì), «Стремительный рост» (Kuài jìnbù), «Новый Китай» (Xīn Zhōngguó) [4]. В нашей работе для наименования концепта «Новый Китай» мы используем предложенную Ли Цзюньжу формулировку: «Новый Китай» – идеальное представление о Китае будущего как о сильной независимой державе, в которой ведущая идеология марксизма объединена с китайскими реалиями [8].

В статье мы анализируем концепт «Новый Китай», т. к. исследование трансформации смыслов этого концепта, заложенных мыслителями в первой трети XX в. и репрезентируемых китайскими писателями в XXI в., видится нам актуальным. Термин «концепт» широко используется в исследованиях различных областей науки. Он восходит к средневековому концептуализму, основоположниками которого были Т. Гобс, П. Абеляр, У. Окам [10]. В рамках концептуализма концепты рассматривались как универсалии, обобщающие признаки вещей, связывающие высказывания в единую точку зрения на тот или иной предмет при условии определяющей силы разума. В современной науке «концепт» находится в состоянии научной разработки и применяется в когнитивной лингвистике, когнитивной психологии, психолингвистике. Значимые исследования относительно концепта в научной парадигме принадлежат С. А. Аскольдову [1], Д. С. Лихачеву [7], Ю. С. Степанову [12], В. Н. Телия [15]. Концептам китайской лингвокультуры посвящены работы Тань Аошуан [14], Цзя Хуэйминь [18] и др.

В нашем исследовании мы используем определение лингвокультурного концепта В. И. Карасика и Г. Г. Слышкина: «Концепт – ментальная единица репрезентации как знания о мире в целом, так и о его природе» [5]. Концепт существует в коллективном и индивидуальном сознании носителей языка. Социальные и этносоциальные концепты обладают концентрированным содержанием, которое складывается из суммы индивидуальных концептов. Гипотеза нашего исследования заключается в том, что социальный концепт «Новый Китай», являющийся базовым в парадигме «Китайская мечта», эволюционирует благодаря деятельности китайских интеллектуалов, которые способствуют изменению содержания концепта посредством пополнения его ценностного и образного компонента. Концепт «Новый Китай» является неотъемлемым элементом китайского национального сознания и актуальным предметом изучения лингвистов, социологов и культурологов. В нашем исследовании мы обращаемся к понятию фрейма как к наиболее эффективному приёму изучения принципов организации знаний в языковой системе. Нам импонирует мнение Н. Н. Болдырева, согласно которому фрейм – это «структурированная единица знания, в которой выделяются определённые компоненты и отношения между ними» [2]. Фреймы обладают сложной внутренней структурой, представленной конфигурацией слотов, или терминальных узлов. Тот факт, что слот может содержать стереотипную информацию различной сложности – от признака реальных объектов до специальных фоновых и энциклопедических знаний, даёт возможность проследить, как экстралингвистические факторы, значимые в тот или иной период эволюции концепта, определяют изменение исследуемого концепта в его семантике и интерпретации.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1911 г. по наши дни, т. к. исторические предпосылки возникновения концепции «Китайская мечта» появились в ранние годы существования Китайской Республики, а в КНР указанная концепция разрабатывается в социокультурном, политическом и идеологическом ключе. Для обывателя наиболее доступными способами уяснения целей национальных идей и концепций являются: включение в идеологическую работу, осуществляемую партийными тройками на предприятиях КНР любой формы собственности, приобщение к агитационной продукции, размещаемой в местах общественного пользования и транспорте, чтение газет и литературы, в том числе в сети. В фокусе нашего внимания – научно-фантастическая проза, которая позволяет спровоцировать нужную рефлекссию у читателя относительно концепции «Китайская мечта».

Литературным предвестником возникновения концепции «Китайская мечта» считается роман Лу Шиэ «Новый Китай» (1910). Нарратив посвящён волшебному сну главного героя, который выходит прогуляться по набережной Хуанпу и обнаруживает, что иностранных концессий в Шанхае больше не существует, вместо английских постовых общественный порядок охраняют китайские полицейские, иностранцы с почтением уступают дорогу китайцам вместо того, чтобы грубо оттолкнуть, как это бывало прежде. Через Хуанпу построен железный мост, а по подводному тоннелю можно проехать к грандиозной ярмарке, на которую съехались торговцы из многих стран. В образе «Нового Китая», созданном Лу Шиэ, была вербализована мечта о том, что китайский народ станет настоящим хозяином в своей стране и будет пользоваться уважением в мире, что передано посредством лексических единиц «уважение, признание, престиж» (zūnzhòng, rènkě, wēiwàng). В тексте Лу Шиэ ядро концепта «Новый Китай» вербализуется как «Сильный Китай» (Qiáng Zhōngguó). Смысл, заложенный Лу Шиэ в символическое содержание концепта, проявляется в образе модернизированного Китая. Ценностный компонент заключается в признании за Китаем права на построение сильного национального государства, осуществляющего путь независимого развития.

Эта идея доминировала в общественной мысли в первой половине XX в. Первый этап развития концепции «Китайская мечта» (1921–1949) проходил на фоне борьбы китайского народа против феодального гнёта, засилья милитаристов, кровопролитной гражданской войны и японской агрессии в Китае. Мы связываем начало этого периода с основанием КПК, которая стала ведущей политической силой китайских народных масс. Сторонники КПК считали основной задачей этого времени осуществление социалистической революции, которая позволила бы укрепить позиции Китая как равноправного члена мирового сообщества и установить долгожданный мир в континентальном Китае.

В ноябре 1932 г. журнал «Дунфан» обратился к читателям с предложением принять участие в конкурсе на лучшее литературное сочинение на тему «Пусть в наступающем 1933 году все увидят прекрасный сон!» [8, 6]. Условием было описать Китай будущего и рассказать о своей мечте. Уточним, что морфема mèng в современном китайском языке имеет значение «сон, мечта, иллюзия», поэтому в редакционном задании содержался двойной посыл: в форме сна, излюбленном паттерне китайской литературы, описать своё видение «Китайской мечты» [20].

По итогам конкурса было опубликовано 144 статьи, авторами которых стали известные деятели китайской республики: Лю Яцзы, Сюй Бэйхун, Ба Цзинь, Юй Дафу, Мао Дунь, Лао Шэ, Се Биньин, Чжэн Чжэньдо и др. В этих сочинениях эксплицитно проявилось формирование двух основных тенденций в китайском обществе 1930-х гг. – патриотизма и социализма.

Так, Лю Яцзы писал, что Китай будущего является частью большой мировой федерации, в которой нет ни денег, ни религии; каждый в этом мире вносит вклад исходя из своих возможностей и получает всё необходимое.

Се Биньин рассказала о своей мечте, в которой Китай будущего – это свободная социалистическая страна, где процесс производства благ и их потребление принадлежат народу. В этой державе отсутствуют национальные и классовые различия, граждане обладают равными правами.

Ло Вэньгань видел в будущем Китае сильное централизованное государство, в котором мудрое правительство объединяет под своей властью весь народ и осуществляет эффективную внутреннюю и внешнюю политику.

Чжэн Чжэньдо написал о том, что он не склонен к мечтаниям, но желает, чтобы Китай стал великим социалистическим государством, в котором не будет борьбы между милитаристами и разрешится проблема голода и наводнений.

Лу Синь, не принимавший участие в конкурсе, по его окончанию опубликовал в журнале «Дунфан» статью «Послушал сны», в которой он резюмировал свою позицию: «Представители китайской интеллигенции не просто рассуждают, они делают всё для того, чтобы это будущее наступило уже сегодня» [8, 9]. Таким образом происходило формирование ещё одного слота концепта «Новый Китай» – «Китайская мечта», который был вербализован при помощи лексической единицы Zhōngguó mèng. Образный компонент выражается в идеальном представлении о Ки-

тае как социалистическом государстве. Ценностное наполнение этого слота заключается в идее демократического правления. Мы считаем, что по значимости этот слот может быть расположен после слота «Сильный Китай», который определён нами как ядерный слот концепта. Впоследствии в официальном дискурсе национализма КНР термин «Китайская мечта» получил широкое распространение и используется для наименования концепции национального развития континентального Китая в XXI в.

В 1933 г. публикуется роман Лао Шэ «Записки о Кошачьем городе», ранее классифицируемый китайскими литературоведами как сатирический. В рецензии на роман, опубликованной в тьянцзиньской газете «Ишибао», говорилось, что Лао Шэ «создал воображаемую страну кошек, чтобы в полной мере высмеять наше современное китайское общество» [13]. Подлинная цель Лао Шэ заключалась в радении за судьбу страны. Об этом пишет Ся Чжицин в статьях «История современных китайских романов» (1962), «Одержимость Китаем» (1967): «Лао Шэ, несомненно, использовал собирательный образ кошек, чтобы описать своих соотечественников, пристрастившихся к опиуму. Он изобразил кошек ленивыми и трусливыми, хитрыми и жадными, похотливыми и безнравственными, опасаящимися иностранцев и подражающих им. Противники кошек символизируют японцев, в 1930-х гг. планировавших поглотить Китай». В нарративе «Записки о Кошачьем городе» содержится предупреждение Лао Шэ о грядущей катастрофе «Культурной революции», но читателями роман был воспринят как безжалостная критика китайского общества. В русле нашего исследования обращение к этому произведению имеет особое значение, т. к. видение Китая, современного Лао Шэ, уравнивает «идеальный» концепт «Новый Китай» за счёт пополнения слотом «Китайские реалии» (Zhōngguó xiànshí). Указанная лексическая единица, при помощи которой вербализован слот, является стилистически нейтральной, хотя сам слот пополняется смыслами, которые, как мы видим по реакции китайских публицистов, считаются отрицательными. Образный компонент этого слота – специфика социальных процессов китайского континентального сообщества. Мы считаем, что ценностное наполнение слота – китайский национальный характер, который подлежит трансформации ввиду стремительно меняющейся исторической ситуации. По значимости слот определяется как периферийный.

Во второй период эволюции концепции «Китайская мечта» (1978–2003) произошло изменение концепта «Новый Китай», связанное с переосмыслением целого ряда событий: раскола китайской нации (1947–1949), периода «Большого Скачка» (1958–1960), «Культурной революции» (1966–1976). Концепт пополнился слотом «Катастрофа» (zāihuò), который интерпретируется писателями как «последствия непредсказуемого политического курса правительства Китая». Это имплицитно проявилось в произведении Чжэн Вэньгуана «Зеркальное отражение Земли» (1980). Сун Минвэй считает, что дефицит культурной памяти, возникший в то время, был в значительной степени заполнен научной фантастикой и способствовал развитию концепции «Китайская мечта» [19]. Специфика жанра фантастики позволяет моделировать ситуации, которые могут возникнуть при вполне реальных обстоятельствах. Возникновение слота «Катастрофа» в концепте «Новый Китай» вовсе не означает, что китайцы «мечтают» о неблагоприятном развитии ситуации, но прогнозируют возможный сценарий стремительного развития экономики, ухудшения экологической обстановки, утраты чувства безопасности в стремлении достижения впечатляющих результатов. Вербализация слота при помощи лексической единицы zāihuò позволяет включать в слот катастрофы как природного, так и техногенного характера. Образный компонент смысла включает «непредвиденное и неконтролируемое развитие ситуации», а ценностный компонент реализуется за счёт создания абстрактной модели чрезвычайной ситуации.

Третий этап формирования концепции «Китайская мечта» (2003–2012) ознаменовался объявлением Ху Цзиньтао начала политики построения «Общества социальной гармонии» (héxié shèhuì). Ху Цзиньтао сделал акцент на то, что китайский народ будет строить гармоничное общество «в конфуцианском ключе, с национальной спецификой, под руководством КПК» [6].

Сун Минвэй считает, что пик популярности «Новой волны» китайской научной фантастики пришёлся на период активного продвижения национальной идеи «Китайская мечта», и так случилось, что научно-фантастическая проза сделала эксплицитным кошмар, таившийся в подсознании

китайцев. Она либо вскрывает «невидимые» аспекты реальности, либо отрицает возможность воссоздания «реальности», погружённой в идеологический дискурс «Китайской мечты» [19]. Благодаря смелым творческим экспериментам китайских фантастов концепция «Китайской мечты» пополняется слотом «Скрытая реальность китайской повседневности» (Zhōngguó rìcháng shēnghuó yǐnzàng xiànshí). Он является периферийным. Образная система слота весьма специфична, но вполне соответствует жанру научной фантастики и, как мы упоминали выше, позволяет моделировать различные ситуации китайской повседневности, или, как говорят китайские писатели, «тёмной, скрытой её стороны». С нашей точки зрения, ценностный компонент слота «Скрытая реальность китайской повседневности» состоит в репрезентации «правдивой стороны» стремительного развития всех систем китайского общества. В этом аспекте интересны два произведения Хань Суна: рассказ «Страх видеть» и повесть «Моя Родина не видит сны» [16; 17].

По сюжету первого рассказа, младенец рождается с десятью глазами во лбу. Родители обеспокоены и озадачены тем, что ребёнок видит и как он воспринимает мир. Учёные подключают мозг младенца к устройству, которое проецирует визуальное восприятие мира ребёнком на экран. Однако родители видят на экране «нечто серое и непрерывное» [19]. После долгих исследований учёные пришли к пугающему выводу: этот младенец с особым зрением на самом деле видит «правду» мира, который представляет собой бесформенный иллюзорный туман. Родители задаются вопросом: то, что мы видим, это ложный образ мира или такова «реальность»? Так кто же создаёт «повседневное видение», которое мы считаем реальностью? Рассказ обнажает актуальную проблему «реализма» научно-фантастического воображения: нужны ли нам «десять глаз» во лбу, чтобы видеть скрытую реальность?

В год публикации рассказа «Страх видеть» в журнале «Мир научной фантастики» (2002), Хань Сун написал пока не изданную в КНР повесть «Моя Родина не видит сны». Этот нарратив посвящён кошмарам стремительного роста Китая: население по ночам, находясь в состоянии сна, бессознательно участвует в создании «экономического чуда», претворяя в жизнь «мечты китайской нации о богатстве и власти» [17]. Лексема, которую Хань Сун использует для обозначения состояния производственного лунатизма (mèngyóu), означает «хождение во сне». Он сообщает читателю, что граждане не видят настоящую жизнь, которой живут по ночам. Ночная жизнь настолько утомляет китайцев, что им приходится принимать анксиолитики, производимые неким государственным оборонным предприятием. Молодой китайский журналист Сяо Цзи, озадачившись феноменом нервного истощения нации, при помощи американского шпиона раскрывает тёмную тайну «лунатизма» жителей Пекина. Ночью он видит, как его жена и соседи, словно зомбированные, садятся в автобусы, которые доставляют их на фабрики, компании, склады, исследовательские лаборатории и торговые центры. Такой «лунатизм» оказался эффективным способом поддержания высоких темпов экономического роста Китая. «Спящие» китайцы более функциональны, так создаётся совершенно новая нация дисциплинированных и преданных своей Родине граждан [19].

Четвёртый этап формирования указанной концепции начался в 2012 г. Руководством КНР была окончательно выработана стратегия долгосрочного развития общества «Китайская мечта», конечной целью которой является «великое возрождение китайской нации» и «создание богатого, могущественного демократического, цивилизованного социалистического государства» [8]. Председатель КНР Си Цзиньпин обозначил две промежуточные вехи: 2021 г. (столетний юбилей КПК) и 2049 г. (столетний юбилей КНР) – как временные ориентиры, к которым необходимо осуществить задачи создания «среднезажиточного общества» и становления КНР как сверхдержавы соответственно.

По мнению Сун Минвэя, подъём «Новой волны» китайской научной фантастики имеет имплицитную связь с популяризацией национальной идеи «Китайская мечта». В произведениях писателей-фантастов поэтика жанра реализуется посредством введения мотива «сна» и «мечты», обозначаемого одной и той же иероглифической единицей (mèng). Научная фантастика способна метафорически выразить мечту и установить метонимическую связь между мечтой и реальностью.

Иногда научная фантастика может быть более реалистичной, чем реальность. Например, Чэнь Цюфань в романе «Мусорный прибой» (2013) описывает один из районов своего родного города Шаньтоу – Гуйюй. В последние годы он стал крупнейшим хабом по переработке отслужившей электронной техники. В романе Чэнь Цюфаня Гуйюй становится «Кремниевым островом» – городом-призраком. Миллионы рабочих-мигрантов, страдая от смертоносного излучения, безработно перерабатывают электронные отходы, импортированные из развитых стран. Трудящиеся лишены элементарных гражданских прав. Главная героиня Сяоми, работающая здесь, подвергается эксперименту – ей прививают искусственный интеллект. Она прошла долгий путь оскорблений и унижений, но сумела совершить эволюцию и стала могущественным киборгом. Героиня опустошена, но её мечты не разбиты. Сун Минвэй считает, что так происходит и в жизни – когда «Китайская мечта» выходит на новый виток развития, в информационном поле возникает много шума, но люди продолжают мечтать. На наш взгляд, за первым планом произведения – обсуждением проблемы «постчеловечества» – Чэнь Цюфань поднимает вопрос о скрытой реальности китайской повседневности.

В настоящий период китайские фантасты активно разрабатывают периферийные слоты концепта «Новый Китай»: «Китай и глобализация» (Zhōngguó yǔ quánqíu huà) и «Китай и космизация» (Zhōngguó yǔ yǔzhòuhuà).

Слот «Китай и глобализация» представляет собой пространство лингвокреативности китайских фантастов, наполняющих его образами будущего Китая, который планомерно реализует политику открытости миру. Учитывая прагматику политики властей КНР, осуществляющих «контролируемую глобализацию», мы усматриваем потенциал развития этого слота. Ценностный компонент реализуется за счёт акцента на допустимую степень глобализации, которая не нарушила бы баланс развития традиционного китайского общества, т. к. «негативное действие культурной глобализации обусловлено её двойственной природой» [9, 50].

Так, в своём творчестве Хань Сун сознательно конструирует «глобальный» контекст, в который погружена китайская повседневность. В рассказе «Пассажиры и Творец» описывается некая вселенная, ограниченная рамками салона пассажирского самолёта «Боинг 747». Все обитатели этой вселенной каждый день молятся перед принятием пищи: «О, Боинг, благослови нас! Аминь!» [3]. Когда открывается правда о том, самолёт вовсе не представляет собой вселенную, пассажиры устраивают революцию и заставляют пилота посадить воздушное судно на аэродром. Каково же удивление обитателей этой «вселенной», увидевших за открывшимся люком светловолосых людей с автоматами!

Суровая реальность существования «Нового Китая» предстаёт перед читателем – ведь может случиться и так, что полёт «Китайской мечты» подвергнется корректировке со стороны внешних сил. Хань Сун намекает на то, что в салоне самолёта производства «страны М» находятся жители «города S». Под «страной М», несомненно, подразумевается Америка (Měiguó). Название «города S» заимствовано из прозы Лу Синя, который намекал на родной Шаосин (Shàoxīng), но у Хань Суна оно обозначает весь Китай. «Глобальный» контекст значим для писателя, т. к. он открыто предупреждает о том, что высокие темпы вестернизации Китая губительны для китайской традиционной культуры. С точки зрения Хань Суна, баланс отношений между США (как основного представителя западной цивилизации) и Китаем (стержневым государством Азии) зависит от расстановки сил в настоящем. Так, в романе «Марс над Америкой: путешествие на Запад в 2066 году» (2000) он описывает Поднебесную, пребывающую в состоянии мира, в то время как обстановка в США нестабильна. Переводчики предлагают ещё один вариант названия этого произведения – «Красная звезда над Америкой», что окончательно расставляет акценты в вопросе баланса отношений между Востоком и Западом в недалёком будущем.

Слот «Китай и космизация» наполняет концепт «Новый Китай» фантастическим смыслом и необыкновенным звучанием. Молодой писатель Бао Шу, написавший рассказ «Звёздные песни» в качестве продолжения трилогии Лю Цысиня «Задача трёх тел», первоначально разместил его в сети. Это произошло в 2012 г. По сюжету, земляне организуют научно-исследовательскую экспедицию для того, чтобы понять причину необычной активности звезды, располагающейся в пя-

тидесяти световых годах от нашей планеты. Звезда транслирует песни – мощные, воинственные и напыщенные гимны, звучание которых разносится по всей вселенной. В 2013 г. Бао Шу издаёт сборник рассказов «Древние песни Земли», в котором вносит небольшие изменения относительно того, какие песни воспроизводят нанороботы, упавшие в недра этой звезды много веков назад. В сетевой версии это были «революционные песни эпохи Мао», в печатном издании – «советские патриотические песни сталинской эпохи». Исследуемая звезда – «Красная звезда», как в астрономическом, так и в политическом смысле. Исследователи, прилетевшие на Красную звезду, это представители «постчеловечества», которые ничего не знают о социалистическом Китае, некогда существовавшем на планете Земля. Но они тронуты этими волнующими сердце песнями до такой степени, что начинают формировать культ «Красных песен». Система искусственного интеллекта, управляющая космическим кораблём, тоже подвергается воздействию «красной» идеологии и принимает решение направить космическое судно напрямик на звезду, чтобы взрыв превратил её в сверхновую. Концерт из революционных песен начинает сотрясать всю вселенную. Рассказ заканчивается строкой из «Интернационала», который поют нанороботы, бесконечно воспроизводящие сами себя. На наш взгляд, ценность слота «Китай и космизация» заключается в репрезентации идеи революционного романтизма. Центральный образ слота – Китай как макрокосмический объект, влияние которого распространяется за пределами привычного читателю мира. Вербализация происходит за счёт нового термина yǐzhòuhuà, обозначающего распространение научного знания на мировоззренческом уровне, что позволяет китайским фантастам прогнозировать процесс формирования научной картины мира и моделировать возможные ситуации, связанные с этим новым процессом.

Таким образом, деятельность китайских писателей способствует развитию социальных идей, актуальных для китайского национального сообщества. Опираясь на популяризируемые в КНР национальные идеи, которые проходят проверку на прочность в социальной реальности континентального сообщества, интеллектуалы создают нарративы, представляющие собой произведения социальной фантастики. Их притягательность и эффективность заключается в том, что в ходе развития сюжета авторы репрезентируют не только свои самые смелые мечты, зачастую проявляющиеся в «тёмных, скрытых сторонах реальности», но и просчитывают ситуации возможного развития событий. Спустя почти сто лет после того, как на страницах журнала «Дунфан» появились первые сочинения о «Китайской мечте», обозначенные в них магистральные направления её развития – патриотизм и социализм – снова вербализируются в прозе современных китайских фантастов. Интересен тот факт, что эволюция концепции «Китайская мечта» получает развитие как в китайской повседневности, так и в воображаемой реальности – на других континентах, странах, в далёком космосе. Формирование ядерных слотов концепта «Новый Китай», таких как «Сильный Китай» и «Китайская мечта», дополняет парадигму одноимённых национальных идей и способствует их эволюции. Периферийные слоты «Китайские реалии», «Катастрофа», «Скрытая реальность китайской повседневности», «Китай и глобализация», «Китай и космизация» благодаря метафоричности и специфике системы образов создают возможность для творческих экспериментов китайских фантастов и погружения в моделируемую реальность самого широкого круга читателей китайской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В. П. Нерознака. – М.: Известия РАН, 1997. – С. 269-270.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивная лингвистика / Н. Н. Болдырев. – М.: Директ-Медиа, 2016. – 251 с.
3. Ван, Фэнчжэнь. Обзор научной фантастики / Ван Фэнчжэнь. – Гуйлинь: Изд-во Лицзян, 2007. – 232 с.
4. Ишутина, Ю. А. Идеологические механизмы популяризации национальной идеи «Великого возрождения китайской нации» в КНР на современном этапе / Ю. А. Ишутина // III Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности: материалы Международной научной конференции, Иркутск, 10-16 сентября 2019 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2019. – С. 189-195.

5. Карасик, В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин. – Волгоград: Парадигма, 2005. Т. I. – С. 13-15.
6. Ли, Чуньдин. 20-летие присоединения к ВТО / Ли Чуньдин // Китай. – 2021. – № 12. – С. 38-41.
7. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В. П. Нерознака. – М.: Известия РАН, 1997. – С. 3-9.
8. Лю, Цзюньжу. Китайская мечта: о чём мечтают китайцы? / Лю Цзюньжу. – Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014. – 208 с.
9. Мусалитина, Е. А. Влияние глобализации на трансформацию китайской национальной культуры / Е. А. Мусалитина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № VIII (48). – С. 47-51.
10. Неретина, С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм П. Абеляра / С. С. Неретина. – М.: Гнозис, 1994. – 224 с.
11. Се, Тин. Записки о Кошачьем городе / Се Тин // Ишибао, 23 сентября 1933 г. Цит. по Чэнь Сигуан. История современных китайских романов (1922–1949). – Тайбэй: Сюйвэй, 2011. – 141 с.
12. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 989 с.
13. Ся, Чжицин. История современных китайских романов / Ся Чжицин. – Гонконг: Издательство Китайского университета Гонконга, 2015. – 398 с.
14. Тань, Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность / Тань Аошуан. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
15. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки славянской культуры, 1996. – 284 с.
16. Хань, Сун. Марс над Америкой / Хань Сун. – Харбин: Народное издательство Хэйлунцзян, 2000. – 354 с.
17. Хань, Сун. Страх видеть / Хань Сун. – Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2012. – 212 с.
18. Цзя, Хуэйминь. Общее понятие традиционной китайской культуры в китайском социокультурном познании: исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение / Цзя Хуэйминь // Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10 (60). – Ч. I. – С. 198-203.
19. Сун Минвэй. Новая волна научной фантастики: история, поэтика, стиль / Сун Минвэй. – Шанхай: Изд-во литературы и искусства, 2020. – 333 с.
20. Словарь современного китайского языка. – Пекин: Издательство коммерческой литературы, 2002. – 1766 с.